

Filosofie Jana Patočky – situace člověka ve světě a dějinách

Ivan Blecha

Do ruštiny přeložil Pavel Prilutskij

CFB-03-10/ CTS-03-11

September 2003

(Ivan Blecha, Patočkova filosofie – situace člověka ve světě a dějinách. In:
Havel, I. M. A Třeštík, D.: Co daly naše země Evropě a lidstvu. III část:
Svobodný národ na prahu třetího tisíciletí. Evropský literární kub, Praha 2000,
s. 274 – 288. Autorizovaný překlad.)

Иван Блеха.

ФИЛОСОФИЯ ЯНА ПАТОЧКИ - РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЛОЖЕНИИ ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ И В ИСТОРИИ.*

Яна Паточку (1907-1977) мы можем смело считать одним из самых известных и наиболее влиятельных чешских мыслителей XX века. Как философ он занимался направлением, которому его основатель Эдмунд Гуссерль, который был родом с моравского местечка Простеев было дано название феноменология. В очерках развития философии XX века можно часто услышать утверждения, что главные философские течения можно свести к двум основным течениям. Одно из них создает философские отношения ориентированные на анализ языка и научное мышление, другое же охватывает позиции, которые так или иначе выросли именно из феноменологии, либо с ней как то связаны. Сюда можно включить не только философскую антропологию.. экзистенциализм, фундаментальную онтологию (М. Хайдеггер), философию диалога (Марсель, Левинас) герменевтику (Гадамер, Рикер), некоторых представителей структурализма и постструктурализма (Деррида), но и некоторых мыслителей постмодерна (Ваттимо) и их противников (Хабермас). Нельзя забывать и о влиянии феноменологии и на родственные дисциплины: на социологию, психологию, эстетику, философию религии или правовую науку.

Феноменология является во многих отношениях исключительной философской дисциплиной. Уже ее название указывает на ее амбиции и стиль работы: она стремится быть наукой о том, как проявляется действительность и последовательно сомневается именно в пределах тех границ, которые проявляющаяся действительность определяет сама себе. Она стремится воздерживаться от всех неосмотрительных суждений о том, какой характер имеет действительность вне рамок своего явления. Т.е. оказалось, что такие суждения господствовали почти всю историю философии. Уже у Платона отчетливо видно то как философия пытается избавиться от "явленного мира" как от чего то такого, что является ненадежным. только лишь "тенью" истинной действительности; она здесь представляет собой чистые идеи, к которым философ должен научиться проникать. Подобный скептицизм по отношению к чувственной действительности и явлениям окружающего мира установил Декарт, мыслитель, который на многие столетия повлиял не только на теоретические, но и на практический воззрения на мир. Однако мало кто задавал вопрос о том, из чего собственно вытекает тот мнимо естественный скепсис по отношению к чувственной действительности? Откуда взялось утверждение о том, что то что существует за явлениями является более важным, истинным и ценным? Не могли бы мы сначала спросить каковы обоснования этого тезиса, из каких побуждений он возник, соответствует ли он положению вещей, был ли он достаточно обоснован? Не содержится ли здесь скрытый предрассудок? Не имеем ли мы по отношению к миру уже заранее некоего интереса, не применяем ли уже некоторое "объяснение"? Не угрожает ли это тем, что мы не только будем видеть.. но и упорядочивать действительность вовсе не согласно ее собственным диспозиций. а в

* Авторизованный перевод с чешского: *Павла Прилуцкого*, выполнен по изданию: Ivan Blecha Patočkova filosofie – situace člověka v světě a dějinách. In: I.M.Havel a D.Třeštík (ed.): Co daly naše země Evropě a lidstvu. III. část: Svobodný národ na prahu třetího tisíciletí. Evropský literární klub, Praha 2000, s. 274-288. ISBN 80-86316-10-6.

соответствии с нашими субъективными требованиями? Не является ли усилие новоевропейского рационализма по достижению универсального надежного и действительного познания попыткой оправдать требование субъективности, которая стремится определенным образом приспособиться в мире и которая хочет подтвердить как объективно действительную свою собственную активность? Особенно заметным способом это затруднение проявляется в том строго "объективном" подходе к действительности, каким стремился быть позитивизм конца XIX века. Это направление провозгласило борьбу против субъективизма и релятивизма и намеревалось работать с действительностью как с набором фактов, существование которых можно экспериментально доказать, и характер которых необходимо без каких-либо второстепенных отношений только тщательно описать. Но именно этот радикальный объективизм натолкнулся на удивительное затруднение: ни один факт не может быть дан как стерильная данность. Он получен при помощи инструмента, который мы имеем в распоряжении при исследовании природы, он является результатом эксперимента, т.е. продуктом процедуры осуществленной в уже заранее подготовленном пространстве, в которое мы заставили вступить это явление или событие. Очевидно, что если бы мы имели в распоряжении иной чувственный аппарат и иные объяснительные принципы, мы бы "нашли", вероятно, какой-то "иной" факт. Точные физики, при описании микромира, будучи этим обеспокоенными осознавали эту исключительную особенность. Известный немецкий исследователь Вернер Гейзенберг высказал это в важном тезисе: "... то, что происходит, зависит от того, как мы наблюдаем события, или, по крайней мере, от действительности того, что мы ее наблюдаем. Именно вопрос о том, может ли нам, вопреки явленным аспектам, иногда представиться какая-либо вещь, так как она есть сама по себе, и что это вообще означает, что что-то является для нас "вещью", а что имеет характер чего-то "объективного", - это то место, на которое в философии указал Эдмунд Гуссерль. Ответы на эти вопросы предполагает необходимость сделать шаг вонне философской традиции. Прежде всего, было необходимо серьезно отнестись к явленной стороне действительности, понять ее как сторону чего-то такого, что именно так а не иначе указывает себя, и "хочет" указывать, и основательным анализом различных способов указания прийти к "самим вещам". Это предполагало рассмотреть условия, которые для этого должны быть выполнены, причем как со стороны самой действительности, которая раскрывается, так и со стороны субъекта, которому эта действительность раскрывается. Гуссерлю интересовало, возможно, ли найти некоторые общие и закономерные действующие связи. Поставленный так вопрос предполагает, что мы намереваемся действительно только на ту активность, в которой встречаемся с явлениями (феноменами) внешнего мира, и воздерживаемся выносить о них какие-либо суждения. Так поставленный вопрос предполагает, что мы надеемся действительно только на ту активность, в которой сталкиваемся с явлениями (феноменами) внешнего мира. и что воздерживаемся выносить о них какие-либо суждения. Мы не можем перед этим определить, что есть "объективное", а что "субъективное", что есть "случайное" в явлении, а что "сущность" и т.д. поскольку это все понятийные определения, которые уже предполагают определенную позицию. Мы можем каким-то образом "взять в скобки" все нынешние объяснения мира, - а для верности и данности самого мира - сосредоточиться исключительно на чистом описании отношений между феноменами и "актами" в которых это проявляется.

Этот методический поворот, который был назван феноменологической редукцией (и который имеет много взаимных пересекающихся плоскостей), поможет увидеть многое из того, что до настоящего момента в самой философии на этом поле оставалось скрытым, и помогает находкам, которые меняют отношение к действительности. К мыслимому свойству каждого феномена относится то, что он может отсылать к тому, чем он сам не является. Конечно, так создается феномен чего-то, как определенное и конкретное явление, иначе мы вообще не могли бы пережить, а впоследствии и узнать,

что это действительно феномен чего-то. Его нельзя, следовательно проигнорировать, как это делала традиционная философия но наоборот, необходимо детально исследовать способы, какими он дан, поскольку в них как-то открывается то, что феноменом явлено. Феномен имеет свою внутреннюю динамику, а потому никогда не может быть только простой голой данностью, простым эмпирическим фактом. Представим себе, что мы смотрим на дерево в саду. дерево проявляется только в определенном перспективном аспекте, и пока мы этот аспект удерживаем во внимании, мы создаем из него именно феномен. Если мы отвернемся на минуту взгляд, и посмотрим на дерево через некоторое время и с другого угла зрения, оно предполагается в другом аспекте и посредством другого феномена. Вопреки различности феноменов, между которыми не существует никакой взаимосвязи, но ведь мы понимаем то, что постоянно имеем дело с феноменами и аспектами того же самого дерева. Хотя каждый феномен удерживается нашими субъективными опытными актами, и с виду находится "в нашей власти", он освобождается тем, что он отсылает помимо себя наш произвол и сохраняет свою своеобразность, которую необходимо соблюдать. Эта отсылка к идентичности того, что проявляется, а это и вопреки распылению различных феноменов, должен заключаться именно в конкретном способе исполнения, в способе проявления, который усматривается в феномене и который одновременно принадлежит к мыслимому свойству являющейся вещи. Этот стиль проявления возможно, согласно Гуссерлю, методической вариацией феноменов постоянно отчетливо представить, сохранить в дальнейших, уже не прямо удерживаемых во внимании актах (в воспоминании, ожидании, изложении и т.д.) и тем самым охватить каким-либо смысловым горизонтом, который постоянно перекрывается (и который не совпадает) с тем, чем является проявляющаяся вещь сама по себе: в нашем случае с некоей "деревостью" дерева. Этот "инвариант" каждого явления, который можно увидеть интуитивным взором Гуссерль называет ЭЙДОС. Этимология этого слова, впрочем. платоновская (эйдос и идея имеют один словарный корень) , но путь к нему совершенно обратный нежели у Платона: эйдос не является идеей, которую мы могли бы увидеть вне мира явлений, но наоборот, это инвариант приобретенный в ходе работы с явлением, детальным исследованием всех устойчивых свойств, которые он приобретает в своем эмпирическом исполнении. И так феноменология - и это будет важно и для Паточки-поступает совершенно иначе чем традиционная метафизика. Она опирается на то, что в явлениях проявляется как изначально непроявленное и отказывается заменять представлением мира идей как мира "истинных" вещей. Паточка будет поэтому позднее называть феноменологический подход к действительности "негативным платонизмом".

Гуссерль всю свою жизнь сознательно посветил детальному исследованию отношений между потоком наших переживаний и феноменов. При этой работе постепенно всплывали дальнейшие вопросы, решение которых было спорным. Гуссерль обратил внимание, что при описании структур нашего сознания мы должны предполагать какое-то "чистое я", которое собственно и проводит феноменологическую "саморефлексию", которое наблюдает поток переживаний и их коррелятов, при этом само в них не участвуя. Оно имеет характер "независимого наблюдателя", и может быть рассмотрено как "трансцендентальный субъект", т.е. как субъект который находится вне действительности и исследует ее условия. Методически само по себе это не могло бы быть не приемлемым, Но постепенно Гуссерль начал говорить о трансцендентальном субъекте как о гаранте абсолютной очевидности, как о единственной основе философской достоверности, и провозгласил весь внешний мир относительным, обладающим только предварительной претензией на существование. Это склонность к субъективному идеализму невольно проявили и многие сотрудники Гуссерля (напр. Н.Конрад-Мартиус, М.Хайдеггер, Р.Ингарден и т.д.), поскольку были оставлены первоначальные философские амбиции остаться в реальности и описать способы того, как она проявляется. Однако Ян Паточка не был

согласен с "трансцендентальной" и субъективистской версией феноменологии, и не только с Хайдеггером, но и Л.Ландгребе и Э.Финком, и попытался, как мы это увидим, выстроить так называемую асубъективную феноменологию, в которой была бы элиминирована проблематика роли субъекта.

Критика со стороны его собственных учеников очень тяготила Гуссерля, однако вместе с тем помогла коррекции прежних позиций и открытию новых тем. Этой наиважнейшей темой стала проблема того, как нам является другой человек. То есть оказалось, что в отличие от способов явленности вещи, которую при различных вариациях можно удерживать в каком-то чистом восприятии, человек проявляет себя иначе. Каждый человек проявляет свой эйдос своим действием. Наблюдать такое действие и даже его как-то понимать можно только опосредованно - никогда нельзя быть на месте другого человека и проживать вместе с ним его интересы мотивы и чувства. Самое большое можно применить аналогию к своему действию и попытаться "перенести опыт", что Гуссерлем и называется "вчувствованием". Для такого переноса мне необходимо выйти из внутренней жизни собственного я, в котором в котором я мог бы может быть наблюдать неживые вещи. Вчувствование предполагает существование открытого поля, которое раскрывается между действующими субъектами как их совместно созданное пространство. Оно представляет собой горизонт всех возможных опытов, дает им их истинную понятность и гарантирует опору, которую принципиально не возможно разрушить. Гуссерль называет этот горизонт жизни интерсубъективно и универсально самопонятного опыта естественным миром.

Понятие естественного мира помогло Гуссерлю расширить ракурс феноменологического анализа. Феноменология перестала быть только детальным описанием субъективного опыта. Она начала заниматься человеческим действием, а также человеческой историей и человеческой культурой. На почву естественного мира опирается социальная сторона человеческой экзистенции и понимание того, как структурирован этот естественный мир, должно стать предпосылкой понимания смысла человеческой экзистенции и человеческой истории. Вскоре Гуссерль обратил внимание на то, что естественный мир в современных науках отодвинут на задний план как нечто неважное и сомнительное и что он закрыт рационалистическими конструкциями, которые провозглашены как истинный и полный образ действительности. Хотя наука первоначально возникла потому, что давала описание естественного мира, произошло то, что сегодня это описание считается чем-то избыточным, что ведет к тому, что пренебрегается естественным человеческим опытом и естественным миром. "Истинный" образ действительности при этом становится доступным лишь немногим, только специально оборудованным ученым, а обычный человек вынужден жить в тяжелейшем противоречии: в естественном мире, которого едва ли не приходится стыдиться, и в мире науки и техники, который он не понимает. Наука изменила своей задаче - выстроила мир искусственных конструкций, которые никак не корреспондируют с естественным миром и не может быть их вразумительным объяснением. Ничего удивительного, полагал Гуссерль, что Европа, как носитель этого отчужденного мышления очутилась в кризисе. Кризис Европы - это кризис наук, кризис того мышления, посредством которого первоначально создала себя как специфическое духовное образование, но которое отреклось от своего предназначения. Для Гуссерля эта ситуация означала, что феноменология могла бы сыграть более важную роль чем та, которую она играла до сих пор. Она могла бы стать духовным инструментом в борьбе с кризисом Европы, в борьбе за возвращение к естественной самопонятности человеческой экзистенции. В этой связи Гуссерль слегка патетически говорил о философах как о "функционерах человечества". Несомненно, в этом отразились его растущие опасения по поводу наступающего фашизма, которым можно было понять как одно из проявлений европейского духовного кризиса.

Именно с этой версией феноменологии, и с этими грандиозными амбициями позднего Гуссерля столкнулся Ян Паточка будучи еще студентом. Силой обстоятельств он искал в философии того же самого. Поэтому, по окончании своих философских исследований в Праге на переломе 20-30-х гг., он пережил огромное разочарование. Чешская философская среда казалась ему бесплодной и оторванной от потребностей жизни. В пражском университете господствовал ранний позитивизм, альтернативой которому был неотомизм воинственных доминиканцев из Оломуца, или чрезмерно экстравагантный неовитализм Э.Радла. Единственной личностью заслуживающей большего внимания, был в это время для Паточки Масарик. Паточке более всего импонировала способность соединять академические знания с практической политикой и открывать важнейшие философские проблемы того времени (кризис гуманизма, мировая война, положение в России, растущая важность социальных вопросов и т.д.). Но вместе с тем Паточке мешала в Масарике его чрезмерная зависимость от раннего позитивизма и недостаточная глубина его философского анализа. Поэтому действительно обоснованных ответов на многие из возникающих вопросов Паточка не мог найти дома.

Во время исследовательской поездки в Сорбонну ему представилась возможность прослушать знаменитые гессерлевские Парижские лекции и он был восхищен ими. Он понял, что приблизился к философии, которая способна на твердых теоретических основаниях давать ответы на вопросы современности.

Неудовлетворенность Паточки уровнем чешской философии по сравнению с парижской средой еще более усилилась. Поэтому он не колебался и использовал Гумбольдтовскую стипендию для исследовательской поездки в Берлин уже как молодой докторант. По рекомендации своего старшего коллеги Й.Кляйна он уже в 1933 году отправляется во Фрайбург, в самый центр феноменологического движения. Здесь продолжает работать как пенсионный профессор Гуссерль, а Хайдеггер стал действительным ректором фрайбургского университета. Паточка явился прямо к Гуссерлю и был радушно принят, а затем препоручен попечению тогдашнего ассистента Гуссерля Э.Финка. Поразительно что Гуссерль, который был очень недоверчив к новым ученикам, очень сердечно принял Паточку как своего земляка, вспомнив при этом начало своей собственной карьеры. Еще во время учебы в Лейпцигском университете Гуссерль завязал дружеские отношения с Томашем Масариком и часто подчеркивал, что именно Масарик решающим образом повлиял на его дальнейший философский путь. И хотя он не встречался с Масариком по окончании университета и поддерживал с ним только эпизодический обмен вежливостями, о своей связи с чешским философским пространством и о своем моравском происхождении он никогда не забывал.

Для Паточки началось время интенсивных исследований. Он имел возможность читать еще не опубликованные рукописи Гуссерля и участвовать в дискуссиях с Гуссерлем и Финком. Он должен был посещать и лекции Хайдеггера и в целом этот год его пребывания во Фрайбурге определил основные принципы его философского развития. Он еще более сблизился с Гуссерлем и стал частым и желанным гостем в его доме. Паточка был тем, кто способствовал корреспондентскому участию Гуссерля в парижском философском конгрессе в 1934 году, и тем кто помог реализовать посещение Гуссерлем Чехословакии - последнюю заграничную поездку Гуссерля. Паточка был, наконец, и одним из инициаторов великого проекта сохранения Гуссерлевских рукописей. Поскольку гессерлевское наследие стало подвергаться постоянной опасности в Германии со стороны агрессивной нацистской идеологии, ученики Гуссерля начали обдумывать вопрос о его переносе в Прагу. Здесь должен был быть учрежден центр по его обработке и изданию, о поддержке проекта заявил и президент Масарик. Однако по вине мюнхенских событий до этого так и не дошло.

За время исследований Паточки во Фрайбурге и позднее появилась его первая философская работ, габилитационное сочинение “Естественное поняти о мире как философская проблема”. Она еще была обязана позднему Гуссерлю, но тем не менее она была первой философской работой на эту тему. Она даже опередила издание известной работы Гуссерля Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Из более поздних Медитаций Паточки над этой работой, из мыслей, которые он приобрел чтением Хайдеггера и из дискуссий с Финком, позже родилась критическая саморефлексия Паточки, которая выразилась в проекте самобытной концепции, которая в рамках феноменологического движения занимает особое и вполне респектабельное положение. заслуживающим внимания синтезом его взглядов стала книга “Еретические эссе о философии истории”, которой он завершил свою философскую работу.

Паточка заложил свою версию феноменологии на двух критических основаниях. Он завуалированно и открыто упрекал Гуссерля в том, что он не сумел продумать до конца динамический характер феномена и поэтому был вынужден напрасно вводить вызывающую столько проблем предпосылку трансцендентального субъекта.

Гуссерль обращался с феноменом как с готовой данностью. Поэтому ”независимому наблюдателю” представляется каждый феномен как нечто такое что можно одномоментно увидеть, и поэтому, наконец, такой наблюдатель может быть воспринят как нечто независимое от ”факта самого явления”, что является самодостаточным и более того, гарантом каждого явления. Все это Паточка остро критиковал. Явление есть прежде всего процесс, это событие, которое - вкратце говоря - не может ангажировать только нашу зрительную активность и для которой недостаточна простая перемена перспектив рассмотрения. Это событие, которое определенным образом касается всей нашей экзистенции. Ни одно явление не является только данным, оно всегда должно быть добыто из горизонта неопределенности и как таковое прочно удержано. Действительность раскрывает себя своей динамикой, действием, она является чем-то, что действует как обращение и что из человека, который переживает это обращение делает особое живое существо. Опыт являющегося сущего, это непрерывная борьба, которая не может никогда достигнуть конца. Тогда, конечно же, субъект, который ведет эту борьбу, должен неустанно продолжать не может быть полностью законченным. Понятие строгой субъективности, которая без остатка захвачена гомогенной саморефлексией и которую мы находим у Декарта и постоянно еще и у Гуссерля, должно быть поэтому устранено. Человек не имеет в своем распоряжении никакой картезианской активности, которую уже удалось увидеть внутренним взором, чтобы она проявилась как исходная и непоколебимая опора. Субъективность имеет в себе «темноту», что-то такое, что убегает от нее, о чем она не может иметь никакой ясности, но чем именно она преодолагает действительность, и чем создает свою собственную экзистенцию. Человек существует в этой неустойчивости, но эту живительную неустойчивость, и усилия преодолеть эту неустойчивость Паточка будет связывать с основной и постоянной задачей человеческой истории.

Утверждение о реальном участии человеческой экзистенции в проявлении действительности делает возможным, чтобы человека понимали как телесное и деятельное существо. Поскольку человеческая экзистенция не исчерпывается (как у неживых предметов) в простом наличии, ни (как это у остальных живых существ) в реакции на перемену окружающих условий, для человека его экзистенция поставлена как определенная задача, она есть для него тем, чем еще предстоит овладеть. в чем еще предстоит оправдаться. Человеческая экзистенция является тем самым видом движения, которое имеет свое направление, свои возможности и свой способ исполнения. Паточка создает на этом основании своеобразную теорию трех видов движения человеческой экзистенции. которая в целом сформировалась в рамках

феноменологической мысли, и которая привела его к собственной философии истории, которая уже находилась вне рамок первоначальных Гуссерлевских анализов. В целом согласно Паточке можно различить три вида движения человеческой экзистенции: движение постоянства (укоренения), или акцептации, движение репродукции (отчуждение) и движение самопреодоления (также прорыв или стремление к движению истины). В движении постоянства мы вступаем в отношение с тем, что уже есть, что уже в мире налично и приготовленно. Его временным измерением является прошлое. Это стремление в котором человек предлагает себя, и одновременно примыкает к существам от которых он зависит. Его смыслом становится достигнуть принятия, акцептации своим окружением и другими людьми, и поэтому его исполнение сопровождается чувством безопасности, блаженства и сладости. В этом первом движении, человек, однако связан только со случайной единичностью ситуации, в которой он родился, и эта случайность еще не может пониматься в своих сущностных возможностях. С движением акцептации связывается другое стремление: стремление к репродукции (Паточка называет также ее действием в упорядоченности). В нем уже акцептирована экзистенция каждого из индивидов и использована для потребностей общества в целом. В нем уже акцентирована экзистенция каждого из индивидов и для потребностей всего общества. Каждый дан другому как посредник в общественных отношениях, и никогда не заканчивающемуся обустройству условий существования. Поэтому главным временным измерением этого движения является настоящее. Однако одновременно в игру вступают вещи, инструменты и продукты, через которые прежде всего человек дан другому, а стремление к репродукции угрожает овеществлением и отчуждением. Это одновременно стремление работы и борьбы, стремление непрерывного становления, сопровождаемое страданием и угнетением. Социальным продуктом этих двух видов движений является семейная общность, живущая в плену циклических перемен и привязанная к этой перемене как к тому, что является гарантом непрерывного продолжения жизни.

Для человеческой экзистенции и для феноменологии вообще наиважнейшим является третье движение. Он возникает как реакция на момент, когда нынешний опыт может само собой разумеется резко меняться, когда происходит потрясение акцентированного до настоящего дня смысла действительности, когда оказывается, что мир не дан полностью законченным и готовым, что он не является собранием случайных добытых явлений, но что он является особым целым, уже явленным и одновременно еще скрытым, и что мы должны принять участие в его проявлении, касается ли это познания своей собственной экзистенции или должны мы просто жить. Это движение поднимает человека из пут устоявшегося постоянства и репродукции, в которых он еще привязан к другим сущим, и предоставляет ему возможность найти самого себя, свои собственные возможности. Его временным измерением является будущее. Прорыв является движением истины но одновременно он принуждает человека чтобы он отдал себя на произвол чему то тому, что не является и никогда не будет полностью обеспеченно. Предполагается постоянная борьба - перманентное экзистенциальное переживание в котором постоянно необходимо уметь поднимать себя происходит потрясение. Потрясение имеет также позитивные функции. Оно является проявлением аутентичного отношения к действительности и находит новые возможности для ее переживания. Согласно Паточке переживание потрясения стоит в начале человеческой истории. Человеческая история началась преодолением мифов и вступлением в экзистенциальную неопределенность. Вместе с тем проявилась необходимость нового стиля вопрошания и мышления, который сумел бы поставить во главе несамоочевидность смысла для ума, и сделать его темой открытой дискуссии. Так возникла философия. Возникновение истории и возникновение философии согласно Паточке сливаются воедино. С появлением философии связано возникновение двух дальнейших "институтов" необходимых для поддержания хода исторического движения. Движение прорыва /*prulomu*/здесь также указывает, что уже не может

удержаться ничего из того, что раньше выступало как опора (ни Земля, ни Небо, ни успокаивающие рассказы, ни Боги). Сегодня не достаточно внешне упорядоченного и генеративно гомогенного участка (OIKOS), домашнего хозяйства и экономики в которой жили доисторические цивилизации. Единственное чего можно держаться, это тот ближний, который пережил схожее потрясение, но уже не как член семейного круга, но как "тот другой" кто разделяет одинаковую безосновность, и кто добивается подобным же образом новой опоры. Солидарность потрясенных - это то, что образует новое поле человеческого воздействия. Родилась общность с новыми связями и обстоятельствами с новым типом обязанностей и интересов. Эта общность родившаяся совместно, представляет собой, согласно Паточке, греческий населенный пункт- POLIS. В классическом полисе речь идет о строительстве сообщества тех, кого объединяет опыт несовершенности, кто хотел бы вопрошать и кто образовывал общественные институты для обеспечения свободы такого вопрошания. POLIS- это общество смотрящих, ищущих, дискутирующих и их прототипом является Сократ. К нему Паточка всегда ближе чем к Платону. Хорошее функционирование POLIS и его единство предполагало заботу о каждом его члене. Жизнь в неопределенном мире требовала заботы о душе, которая должна учиться с ним согласовываться.. И это был Сократ: созерцание с покорной неизвестностью и забота о том, чтобы каждый имел доступ к такому созерцанию. Символично то, что именно в то время, когда Сократ стал для общества неудобным, кончился золотой век греческого POLIS-а и начался его кризис.

Таким образом, история, согласно Паточке, возникла с рождением этих трех институтов: философии, греческого POLIS-а и заботы о душе. На этом греческом фундаменте стоит вся Европа. Согласно Паточке нельзя Европу закладывать только на христианских принципах, поскольку то, что составляет ее основу является первоначально греческим, следовательно, языческим. В этом смысле Паточка смело (и провокативно) обращается в своей философии истории к определенному виду еретичества. Кроме чисто философских отзывов ей были посвящены специальные исследования и в особенности его понятию европейскости, которое более всего к Паточке и привлекает. Особенно во Франции Паточка находит критический отклик. Свообразию его ереси уделили внимание кроме всего прочего Ж.Дерриа, П.Рикер, Н. Delkceve.

Кроме всего прочего, размышления о связи истории и Европы доставляли Паточке личные неприятности. Когда он коммунистическим режимом был вынужден оставить университет в начале 50-х гг., он нашел для себя такой "запасной" вид деятельности как работу по изданию произведений Я.Коменского. А видение Паточкой педагогики Коменского на основе собственной (тогда еще только появившейся) философии истории стало прорывом в комениологии, не только в Чехии, но и в целом в Европе (об этом дает обширные сведения видный немецкий комениолог К.Шаллер). Паточка рассматривает педагогику как своего рода "заботу о душе", а заботу Коменского о том, чтобы человек не заблудился в лабиринте мира как заботу об утраченной роли истинной философии. Тем самым он сделал Коменского современным мыслителем и пришел к его реабилитации как философа и теолога.

Паточка придерживался того мнения, что в ходе человеческой истории постепенно ослабевала прочность фундамента европейского человечества. Вершиной этого неблагоприятного развития является наше столетие. Нововременный односторонний рационализм и основанная на нем техническая цивилизация создает из мира только совокупность используемых данных. Все внешне упорядоченно, подано в беспрепятственности поскольку просчитанные и измеренные формы вместо динамичной и несовершенной действительности предлагают современному человеку опрятный и готовый мир, о котором уже все известно или будет известно впредь. Мир становится простой совокупностью сил, к освоению и использованию которых человек в целом

принужден. Наука начинает играть роль единственного гаранта объяснения действительности, единственного авторитета, которая решает и планирует причем не только в природных, но и в социальной сферах. Человек становится только составным элементом научно-технической стратегий и идеологий, которые являются ее результатами. Трагической кульминацией /vyustenim/ этого движения являются для Паточки войны XX века. Весь XX век, собственно является перманентной войной: длительное время аккумулированная энергия освобождается в страшных столкновениях, начатых во имя "светлого завтра" и требующих безоговорочных жертв.

Паточка убежден, что на самой крайней границе этого трагического положения вещей проявляется новое начало. Особенно первая мировая война имела в этом смысле революционное значение-сумасшествие военного одичания освободило весь умело искаженный смысл и цель истории. Солдаты, которых гнали на фронт друг против друга встретились с такой впечатляющей абсурдностью, что испытали тотальное потрясение. Они пережили нечто подобное прорыву. Это позволило им пережить и увидеть изначальную несамопонятность действительности и понять, что в мире необходимо иное постоянство и иное межчеловеческое сообщество. Зародилась солидарность потрясенных, которая будет проходить всем XX веком, как отличие аутентичного человечества, как переломный момент в борьбе против всепроникающих научно-технических и идеологических объяснений. На этом фронте решается судьба Европы. Солидарность потрясенных вновь приводит к движению из изначальной исторической диспозиции человеческой экзистенции, из нее вновь можно начать заниматься философией, закладывать новое общество и заботиться о душе. При этом этот фронт не эксклюзивен, наоборот, этот фронт проходит через повседневность и в ней получает свое оправдание. Соглашаясь с предлагаемым движением этому движению предполагается жертва: ни в коем случае не во имя запланированного завтра, или во имя чего-то такого что является принципиально не высчитываемым и неразменным, но того, что делает человека вновь существом способным изменить себя, а следовательно, существом на самом деле свободным.

Для Паточки, как для философа жившего в тоталитарном режиме это конкретно означало "не жить во лжи", задавая неотступные вопросы там, где предполагались предписанные ответы. Поскольку коммунистический режим не разрешил ему преподавать и досрочно отправил его на пенсию, он приступил к построению сообщества вопрошающих обо всем. Из кружка своих слушателей он создал уникальную организацию проходивших квартирных семинаров и даже своего рода "подземный университет", который серьезно функционировал вплоть до конца 80-х гг. Речь идет о серьезных занятиях, хотя в значительно затрудненных условиях, которые сопровождало издание самиздатовских публикаций и лекций, на которые приезжали чем чдальше тем чаще многочисленные заграничные гости (такие как П.Рикер, Ж.Деррида, Ж.-П.Вернан, Ч.Тейлор, Р.Скратон и т.д.) Так в нелегальных условиях тоталитарного режима создалось Паточкой объединение "потрясенных" и потрясающих которая реализовывала заботу о душе и занималась философией. Так восстанавливалось изначальное мышление университета как плода той Европы, которое так повлияло на Паточку.

Но Паточка не только учил, но и действовал. Он стал одним из первых трех огласивших Хартию 77. Он отправился на склоне лет создавать аутентичный POLIS в режиме, пропитанном догматической идеологией и знал с самого начала, что его столкновение со стражами существующего правопорядка будет принципиальным. Он взялся за охрану права на свободное проявление и пошел в этом до конца. Физические испытания, и постоянно усиливающийся психический нажим со стороны тайной полиции, которая мучила его нескончаемыми допросами даже на смертном одре закончились преждевременной смертью. Жертва Паточки была еще более значимой ввиду того что не была задумана как героический жест. Паточка к ней долго созрел

для нее и глубоко ее продумал. Так мы имеем в нашем динамичном и уже оканчивающемся столетии новый пример мыслителя, который самые абстрактные рассуждения продумал вплоть до практического действия.

Сб. Он реализовал то, что Гуссерль только начал предчувствовать: то, что феноменология как философия современности должна вести борьбу за ценности, которые создают базовые основания аутентичной европейскости.

Влияние Паточки было велико: не только на диссидентов, но и на политиков после падения коммунизма. Одним из тех на кого повлиял Паточка был и первый посткоммунистический президент Вацлав Гавел. В начале 90-х гг. Гавел пытается построить общественное устройство именно с отсылкой на некоторые мысли Паточки. Несмотря на то, что через несколько лет он скорректировал свои взгляды, интересно обсудить-и в этом вклад Паточки в современную дискуссию - насколько иллюзорно реализовать представления об аутентичной общности, которая опирается на "солидарность потрясенных" и которая (с точки зрения того, что обычно мыслится под словом "политика") в действительности не политическая общность, или же все таки в конце столетия не было возможно освежить демократическое пространство обновленной Европы такими идеями.

Однако, так или иначе: философия истории Паточки исследующая исторический путь Европы и ее наследие служить вкладом в активную дискуссию об основах европейскости. Европа, согласно Паточке, это скорее стиль мышления, чем географическое или политическое образование. Сначала в процессе своего исторического развития Европа развивалась как единая империя, как образование проникнутое одной идеей, но затем это вошло в противоречие с принципами из которых она произошла. Именно поэтому некоторые противники европейской интеграции опасаются, чтобы снова не была выстроена Европа такой универсальной идеи. Однако Европа не могла бы быть постмодернистским конгломератом независимых округов, которые сосуществовали бы друг с другом только силой, которые подчеркивали бы свою отличность. Европа о которой идет речь и которую, возможно необходимо построить, должна была бы быть таким образованием, каким для Паточки весь мир, открытый историческому человеку, то есть горизонтом разнообразных движений, которые никогда не подгоняются под единую "идею" и единое объяснение, но который будет пространством толерантности ищущих и вопрошающих.

CTS PUBLICATIONS

Research Reports

List of all research reports (from 1990) see at <http://www.cts.cuni.cz>.

Some of the texts are available on the web.

2001

CTS-01-01 Ivan Chvatík, *Sein als Bewegung? Zwischen Substanzmetaphysik und "Sein in den Möglichkeiten"* (June 2001)

CTS-01-02 ed. by Jan Bouzek and Zdeněk Kalva, *Limits of Knowledge Frontiers of the Universe* (June 2001)

CTS-01-03 Ivan M. Havel, *Causal Domains and Emergent Rationality* [FINAL VERSION] (July 2001)

CTS-01-04 Josef Moural, *Searle's Theory of Institutional Facts: A Program of Critical Revision* (August 2001)

CTS-01-05 Pavel Kouba, *Hranice metafyziky. Mezi Aristotelem a Heideggerem* (September 2001)

CTS-01-06 Alice Kliková, *Méthodologie des sciences humaines et des sciences naturelles* (September 2001)

CTS-01-07 Vladimir Tasić, *Poststructuralism and Deconstruction: A Mathematical History* (September 2001)

CTS-01-08 Alice Kliková, *Hermeneutika věci* (September 2001)

CTS-01-09 Zdeněk Neubauer, *Curriculum vitae a bibliografie* (October 2001)

CTS-01-10 Martin Palouš, *Česko-americké vztahy, euroamerický region a evropská civilizace na počátku 21. století* (October 2001)

- CTS-01-11 David Storch, *Evoluce biologické diverzity* (November 2001)
- CTS-01-12 Hans Rainer Sepp, *Schattenreich. Husserl und Heidegger über die Zeit, das Leben und den Tod.* (November 2001)
- CTS-01-13 Pavel Pelikán, *Choice, Chance, and Necessity in the Evolution of Forms of Economies*
(December 2001)
- CTS-01-14 Jan Kuneš (překlad), *Peter Schulthess: Funkce a syntéza* (December 2001)
- CTS-01-15 Jan Kuneš (překlad), *Rüdiger Bubner: Co je syntéza?* (December 2001)
- CTS-01-16 Jan Kuneš (překlad), *Dieter Henrich: Identita subjektu v transcendentální dedukci* (December 2001)
- CTS-01-17 Jan Kuneš (překlad), *Günther Patzig: Jak jsou možné syntetické soudy a priori?*
(December 2001)
- CTS-01-18 David Storch, Arnošt L. Šizling, *Patterns of commonness and rarity in Central European birds: Reliability of the core-satellite hypothesis within a large scale*
(December 2001)

2002

- CTS-02-01 Tomáš Hoskovec, *Přátelský příspěvek Immanuela Kanta k litevskému slovníku*
(January 2002)
- CTS-02-02 Michael Staudigl, *Kritik und Radikalisierung der Phänomenologie bei Michel Henry* (June 2002)
- CTS-02-03 Ivan M. Havel, *O proměňování a proměnách. Pokus o studii proměnlivě heterofenomenologickou* (June 2002)
- CTS-02-04 Michael Staudigl, *Über "Gewalt" Eine phänomenologische Annäherung* (June 2002)
- CTS-02-05 Martin Hybler, *Mechanická paměť* (June 2002)
- CTS-02-06 Ivan Chvatík, *O síle a pohybu, možnosti a skutečnosti. K Heideggerově interpretaci Aristotelova pojetí síly v IX. knize Metafyziky* (June 2002)
- CTS-02-07 David Storch and Kevin J. Gaston, *Untangling ecological complexity on different scales of space and time* (July 2002)
- CTS-02-08 Martin Palouš, *What Does Democracy Mean Today?*, (July 2002)

- CTS-02-09 Jan Stejskal, *Humanismus a svoboda italských městských republik* (September 2002)
- CTS-02-10 Radim Palouš, *Conversations with Vaclav and Ivan Havel* (October 2002)
- CTS-02-11 Zdeněk Konopásek, *The logic of ethnomethods meets political theory: On accountability. Paper presented at the conference "Philosophy and Social Sciences"*, (September 2002)
- CTS-02-12 Ivan Chvatík, *Polytropos Odysseus, polytropóteros Hippias, polytropótatos Sókratés, pro sborník textů III. platónského symposia Platónův dialog Hippias menší*, (December 2002)
- CTS-02-13 Pavel Kouba, *Le probleme du troisieme mouvement. En marge de la conception patočkienne de l'existence*, CFB-02-05, (December 2002)
- CTS-02-14 Pavel Kouba, *Die Bewegung zwischen Zeit und Raum. Bergsons Ringen mit der eigenen Entdeckung*, CFB-02-06, (December 2002)
- CTS-02-15 Ivan Chvatík, *Kacířské pojetí evropského dědictví v pozdních esejích Jana Patočky*, CFB-02-07, (December 2002)
- CTS-02-16 Karel Thein, *Gods and Painters. Philosotratus the Elder, Stoic Phantasia and the Strategy of Describing*, CFB-02-08, (December 2002)
- CTS-02-17 Karel Thein, *Justice dans la République*, CFB-02-09, (December 2002)
- CTS-02-18 Karel Thein, *Formes dans la République*, CFB-02-10, (December 2002)

2003

- CTS-03-01 Dan Zahavi, *Can The Mind Be Investigated Reflectively?*
- CTS-03-02 Ivan Chvatík, *Die ketzerische Auffassung des europäischen Erbes in den späten Essais Jan Patočkas*,
CFB-03-01 (March 2003)
- CTS-03-03 Josef Fulka, *Foucault, lecteur de Sade*, CFB-03-02 (June 2003)
- CTS-03-04 Pavel Kouba, *Endlichkeit des Friedens*, CFB-03-03 (July 2003)
- CTS-03-05 Pavel Kouba, *Der Sinn der Anwesenheit*, CFB-03-04 (July 2003)
- CTS-03-06 Pavel Kouba, *Von der Notwendigkeit der Krise*, CFB-03-05 (July 2003)
- CTS-03-07 Pavel Kouba, *Problém třetího pohybu*, CFB-03-06 (July 2003)

CTS-03-08 Josef Chytrý, *California Civilization*, CFB-03-07 (July 2003)

CTS-03-09 Jan Patočka, *Negativní platonismus*, překlad do ruštiny Pavel Prilutskij a Ivan Chvatík, CFB-03-08 (September 2003)

CTS-03-10 Ivan Blecha, *Fenomenologická koncepce Jana Patočky*, překlad do ruštiny Pavel Prilutskij, CFB-03-09 (September 2003)

CTS-03-11 Ivan Blecha, *Filosofie Jana Patočky – situace člověka ve světě a dějinách*, překlad do ruštiny Pavel Prilutskij, CFB-03-10 (September 2003)

CTS-03-12 Karel Kosík, *Dialektika konkrétního (1. kapitola)*, překlad do ruštiny Pavel Prilutskij, CFB-03-11 (September 2003)